

Власть, университетская медицина и эпидемии в Сибири конца XIX – начала XX вв.

А.О. Степнов¹, Р.С. Карпов^{2,3}, С.А. Некрылов^{✉1}

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия;
²ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет» Минздрава России, Томск, Россия;
³ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр» РАН, Томск, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены особенности отношений власти и университетской медицины в контексте развития азиатской «колониальной» периферии России позднего имперского периода. Делается вывод, что данные отношения, проявления которых носили наиболее ярко выраженный характер в периоды борьбы с эпидемиями, являются не совсем стандартными с точки зрения классической модели отношений власти и знания в колониальном контексте европейских морских империй. Связывается это главным образом с социальным портретом местных университетских интеллигентов, с особенностями их профессиональной социализации, обусловившими то, что в Сибири они в большей степени транслировали опыт европейских метрополий, а не колоний.

Ключевые слова: Сибирь, эпидемии, классический университет, Российская империя, Томск

Для цитирования: Степнов А.О., Карпов Р.С., Некрылов С.А. Власть, университетская медицина и эпидемии в Сибири конца XIX – начала XX вв. Терапевтический архив. 2023;95(11):1009–1012. DOI: 10.26442/00403660.2023.11.202481

© ООО «КОНСИЛИУМ МЕДИКУМ», 2023 г.

HISTORY OF MEDICINE

Government, university medicine and epidemics in Siberia (late XIX – early XX century)

Alexei O. Stepnov¹, Rostislav S. Karpov^{2,3}, Sergei A. Nekrylov^{✉1}

¹National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia;

²Siberian State Medical University, Tomsk, Russia;

³Tomsk National Research Medical Center, Tomsk, Russia

Abstract

The relationship between government and university medicine in the context of the development of the Asian "colonial" periphery of Russia in the late imperial period are studied. It is concluded that these relationship, the manifestations of which were most pronounced in the period of the fight against epidemics, are not quite standard from the point of view of model of the classical relationship between power and knowledge in the colonial context of European maritime empires. This is connected mainly with the social portrait of the university intelligentsia, with the peculiarities of their professional socialization, which led to the fact that in Siberia they broadcast the experience of the European metropolises, rather than the colonies.

Keywords: Siberia, epidemics, classical universities, Russian Empire, Tomsk

For citation: Stepnov AO, Karpov RS, Nekrylov SA. Government, university medicine and epidemics in Siberia (late XIX – early XX century). *Terapevticheskii Arkhiv (Ter. Arkh.)*. 2023;95(11):1009–1012. DOI: 10.26442/00403660.2023.11.202481

Введение

Эпидемии накладывают отпечаток на развитие народов и государств. В позднее Новое время европейская медицина была тесно переплетена с государственной политикой, социальной повесткой и культурным контекстом, а в периоды эпидемий на прочность проверялись сами государства. А. Bashford возводит генеалогию эпохи 1920–1930-х гг. с ее радикальными евгеническими практиками и крепкими альянсами здравоохранения и национализма к европейским морским империям XIX – начала XX вв. [1].

Опыт взаимодействия власти и медицины в Российской империи пока так и не встроен в европейский контекст. Объясняется это трудностями в ее определении как коло-

ниальной империи [2]. Неклассическая во многих аспектах империя Романовых характеризовалась не вполне стандартными отношениями между метрополией и колониями, да и сами эти понятия применимы к ней только с известными оговорками.

Скептические оценки государственной политики Российской империи в области медицины и здравоохранения подчас рождают российских и зарубежных авторов. Характерный для работ советского периода нарратив «хороших» врачей, вынужденных работать в «плохом» государстве [3, 4], отражен в монографии С. Henze, подчеркивающей, что медицина в некотором роде была «заложницей» царского режима. Изучая эпидемию холеры в Саратове 1892 г., С. Henze обнаруживает

Информация об авторах / Information about the authors

✉Некрылов Сергей Александрович – д-р ист. наук, зав. каф. российской истории ФГАОУ ВО НИ ТГУ.
E-mail: medicinahistory@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6446-4926

Степнов Алексей Олегович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. лаб. социально-антропологических исследований, ст. преподаватель каф. российской истории ФГАОУ ВО НИ ТГУ.
ORCID: 0000-0002-8233-6573

Карпов Ростислав Сергеевич – д-р мед. наук, действ. чл. РАН, проф. каф. факультетской терапии с курсом клинической фармакологии ФГБОУ ВО СибГМУ, науч. рук. Научно-исследовательского института кардиологии Томского НИМЦ.
ORCID: 0000-0002-7011-4316

✉Sergei A. Nekrylov. ORCID: 0000-0002-6446-4926

Alexei O. Stepnov. ORCID: 0000-0002-8233-6573

Rostislav S. Karpov. ORCID: 0000-0002-7011-4316

отсталость и неэффективность режима, радикальные карантинные меры которого, с точки зрения историка, являлись скорее признаком слабости [5]. Это определяло пределы возможностей научной медицины, ограниченность потенциала развития страны и разрыв между обществом и государством.

Порой катастрофические последствия эпидемий в России, к рассматриваемому периоду заметно выделявшиеся на фоне прогрессивного европейского опыта, сосуществовали с успехами отечественной научной медицины, занявшей к началу XX в. одно из лидирующих мест в мире. Историки затрудняются объяснить причины такого сочетания. Не менее трудной остается задача характеристики взаимоотношений медицинского сообщества и власти. И хотя в историографии подчеркивается, что медики «наиболее активно, по сравнению с другими группами интеллигенции, проявили себя в революционном движении» [4], все же такие тезисы уступают более взвешенным выводам, акцентирующим внимание на циклических изменениях в общественной позиции врачебного сообщества позднимперской России [6, 7]. Вопрос о том, союзниками или оппонентами власти были медики Российской империи, по-прежнему остается дискуссионным, а в «колониальном» контексте азиатской России он, по сути, не рассмотрен вовсе.

Результаты

Динамичные темпы переселения из Европейской России в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. создавали эпидемиологические вызовы. Интенсивно развивавшиеся городские центры Сибири пребывали нередко в неудовлетворительном санитарно-эпидемиологическом состоянии, обрастали шокировавшими современников трущобами, испытывали дефицит благоустроенного жилья. В начале XX в. цены, например, на аренду квартир в Томске не только превосходили петербургские, но и были в 4 раза выше берлинских. По свидетельству томского городского санитарного врача Ксенофонта Михайловича Гречищева, состояние большинства квартир при этом «не выдерживало самой снисходительной критики в санитарном отношении» [8]. Вплоть до начала XX в. в Томске отсутствовал водопровод, немощными оставались улицы. Речные и ключевые источники после длительных загрязнений превращались в рассадники болезней.

Такие условия во многом характерны для городов прочих губерний Сибири: Тобольской, Иркутской, Енисейской. Организованное в 1909 г. врачом Алексеем Ивановичем Макушиным исследование школ региона показало, что большинство из них не отвечало элементарным санитарным требованиям [4]. Не всегда соблюдались эти требования и на промышленных предприятиях. Городские власти зачастую сопротивлялись инициативам по увеличению бюджетных ассигнований на здравоохранение. В Сибири сохранялся высокий уровень смертности, особенно детской, а эпидемии натуральной оспы, тифа, дифтерии, скарлатины, кори, дизентерии то и дело настигали города и села. Настоящим бедствием были эпидемии холеры и чумы. Вплоть до 48% от общей смертности приходилось на инфекционные заболевания [4]. Транссибирская железнодорожная магистраль, ставшая символом технического прогресса, ускорила не только мобильность населения, но и распространение эпидемических заболеваний.

Нехватка врачей, характерная для империи в целом, особенно болезненно сказывалась на Сибири. Для привлечения сюда медиков им предоставлялись некоторые привилегии: право занимать вакантные должности сверх своих основных обязанностей, прибавка к жалованью в размере годового оклада по истечении 5 лет службы. Служба в Сибири зачастую становилась «расплатой» за предоставленную государ-

ством возможность получить высшее образование. Не менее 8 лет обязаны были прослужить в Сибири выпускники особого отделения Санкт-Петербургской медико-хирургической академии (с 1881 г. – Военно-медицинская академия, сейчас ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова»). Одно время Казанский университет предоставлял стипендии для студентов, готовых по окончании медицинского факультета работать в восточных регионах страны. Врачебные уставы 1857, 1892 и 1905 г. позволяли принимать на медицинскую службу в Сибири политических ссыльных [9].

В 1887 г. именно медицинский фактор смягчил непреклонного обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева, который до того выступал против открытия первого в Сибири университета. К этому времени в Томске завершено строительство главного корпуса университета, открытие которого могло не состояться. Устроитель Императорского Томского университета (ИТУ), первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа Василий Маркович Флоринский в тот год отмечал в дневнике: «... К.П. Победоносцев согласился, что можно еще помириться с открытием в Томске одного медицинского факультета, в видах крайне слабого положения в Сибири медицинской части» [10].

Высших царских сановников пугали перспективы создания университета в отдаленном крае империи. Амбивалентный в своей социальной миссии университет сулил не только практическую пользу, но и беды для самодержавия, которое привыкло с недоверием смотреть на студенчество и университетскую интеллигенцию. Сибирь к 1880-м годам уже познала основы идеологии областничества. В горнилах общественной жизни рождалась особая региональная идентичность местного населения.

Соприкосновение студентов, профессоров и прочих членов преподавательского состава ИТУ со ссыльной политической средой создавало риски, метафорически ассоциировавшиеся с заражением: молодой университет, не в последнюю очередь призванный бороться с природными эпидемиями, рисковал в Сибири пасть жертвой «эпидемии» социально-политической. Так В.М. Флоринский описывал свои впечатления от посещения томской пересыльной тюрьмы: «Все корпуса деревянные, расположены весьма близок один возле другого. В них скопляется до 2000–3000 арестантов. При такой скученности развивается много заразных болезней. Арестанты и переселенцы суть главные рассадники и распространители эпидемий. Они занесли в Сибирь холеру, дифтерит, возвратную горячку, которых здесь прежде совсем не было» [11].

В.М. Флоринский заслужил неоднозначную репутацию. Слухи о крутом нраве авторитарного попечителя, под началом которого была территория превосходившего по площади всю Францию учебного округа, разносились по Сибири. Французский славист Жюль Легра, посетивший в 1897 г. Томск, вспоминал о В.М. Флоринском: «В Сибири обычно говорят, что Василий Маркович – один из умнейших людей среди высокопоставленных лиц Азиатской России, и это действительно так. Однако его авторитарные замашки создали ему большое противодействие и множество врагов. <...> могу с уверенностью констатировать, что попечитель – один из наиболее матерых участников политических баталий, скрытых и явных. Горе тому, кто ему не понравится, потому что рука у него длинная и тяжелая; при нем никто не смеет высказывать сомнения: ни профессора медицинского факультета <...>, ни студенты <...> все подчинено строгой регламентации» [12].

К 1896 г. из 166 выпускников медицинского факультета ИТУ 91 (55%) остались служить врачами в Сибири [13]. Уже в первые годы работы университет столкнулся с испытаниями. В 1892 г. в России вспыхнула эпидемия холеры. Студенты

ИТУ отправились на ликвидацию очагов эпидемии в Омск, Тюмень, Тобольск, Пермь, на Уральскую железную дорогу. Одним из студентов, участвовавших тогда в борьбе с эпидемией в Томске, был будущий профессор и академик Николай Васильевич Вершинин. Руководили противоэпидемическими мероприятиями в Томске профессор ИТУ Александр Иванович Судаков и Михаил Георгиевич Курлов. Университетское сообщество Томска участвовало и в подавлении эпидемий холеры 1907 г., чумы 1910–1911 гг., сыпного тифа 1917–1921 гг.

Университетская медицина привнесла в борьбу с эпидемиями в Сибири не только героическую самоотверженность. Ее влияние шире – ученые-медики ИТУ стали проводниками разрабатывавшихся в первую очередь в Европе передовых методов профилактики, борьбы и преодоления последствий эпидемий. В 1892 г. вместе с Н.В. Вершининым в противоэпидемических мероприятиях участвовал Павел Васильевич Бутягин, окончивший ИТУ в 1893 г. С 1902 г. приват-доцент, а с 1916 г. – сверхштатный экстраординарный профессор по кафедре общей патологии ИТУ. Его докторская диссертация, защищенная в 1902 г., посвящена иммунизации противодифтерийным токсином. Эффективное противоядие от возбудителя дифтерии в Европе создано к началу 1890-х годов. Методы изготовления открытой противодифтерийной сыворотки П.В. Бутягин изучил в 1895 г. в ходе командировки в Институт экспериментальной медицины Санкт-Петербурга. Вместе с ним в командировке приняли участие Иван Михайлович Левашов и Сергей Михайлович Тимашев, тоже будущие профессора Томского университета.

П.В. Бутягин организовал приготовление противодифтерийной сыворотки на станции при кафедре гигиены ИТУ (в настоящее время – Томский государственный университет). Тогда создали сыворотку концентрации в 3–5 раз большей, чем изготавливавшиеся тогда в России. Вскоре началась поставка сыворотки в Иркутск, Красноярск, Омск, Тобольск, Семипалатинск и другие города. В дальнейшем в созданном в 1904 г. по инициативе М.Г. Курлова «Бактериологическом институте им. Ивана и Зинаиды Чуриных» П.В. Бутягин изготовил оспенный детрит. С 1908 г. на протяжении 20 лет он был директором этого института [14].

Знакомые с европейским опытом сибирские ученые критически относились к мировым авторитетам. Профессор-гигиенист, ректор ИТУ в 1892–1894 и 1895–1903 гг. Александр Иванович Судаков не без иронии отзывался о своих коллегах – противниках дезинфекции как меры борьбы с эпидемиями холеры: «<...> пережившие целый ряд холерных эпидемий и видавшие течение этих эпидемий в то время, когда о применении мер дезинфекции при холере даже и слуху не было, относятся крайне скептически к пользе и целесообразности этих мер; некоторые же, как, например, [Макс фон] Петтенкофер, просто даже издеваются над всяким значением мер дезинфекции» [15].

К рубежу XIX–XX веков принесла свои плоды организованная еще в пореформенный период система отправки молодых ученых в длительные, как правило, заграничные командировки. Из 246 командировок, совершенных сотрудниками ИТУ с 1888 по 1917 г., 179 пришлось на медиков. Одним из них был гигиенист Павел Николаевич Лещенков. В конце 1890-х годов он работал в лаборатории Карла Флюгге в Бреслау. Позднее, в 1902–1904 гг., в той же лаборатории практиковался и П.В. Бутягин. Во время командировки он ознакомился с санитарно-эпидемиологической организацией в Бреслау. Изученные им под руководством К. Флюгге методы в дальнейшем применяли и в Томске. В частности, удалось обнаружить, что в центральных районах города ко-

личество микроорганизмов в сотни раз превышало норму – давали о себе знать немощные улицы [16].

Профессиональная социализация в научных сверхдержавках оказала влияние на менталитет и этику университетского сообщества Сибири. Уместно предположить, что вместе с приобретенным опытом на российскую почву был перенесен и западный тип отношений между властью и знанием. «Тяжелая рука» В.М. Флоринского, его ультрапатриотические и лояльные по отношению к империи взгляды, кажется, создавали благоприятную среду для этого. Среди профессуры ИТУ существовала оппозиция всемирному Василию Марковичу. В 1892 г. его не переизбрали председателем созданного по его инициативе Общества естествоиспытателей и врачей при ИТУ. Но в знак протеста из состава Общества вышел целый ряд профессоров (А.П. Коркунов, И.Н. Грамматикати, Ф.А. Ерофеев и др.): университетское сообщество медиков было как минимум расколото в своем отношении к попечителю. Редко в этом сообществе находились сторонники радикальных оппозиционных взглядов и тем более приверженцы революции. Отличавшиеся консервативностью, они чаще всего держались в стороне от возникавших в университете политических конфликтов. Позднее, осенью 1917 г., ученый совет Томского университета, значительная часть которого по-прежнему была представлена медиками, выразил протест против большевистского переворота в Петрограде.

Союз университетской медицины и власти в Сибири состоялся не во всех отношениях, обнаруживая свои пределы в одном из ключевых, пожалуй, аспектов – в создании присутствующих империям эксклюзивных моделей идентификации населения, радикальной поляризации этносов и классов, центра и периферии, метрополии и колоний. Профессора-медики не питали иллюзий относительно отчуждения Сибири от имперского центра. Наверняка многие из них рассуждали о статусе этого региона как колонии. Общепринятым было говорить о Сибири и России как двух «странах». Вместе с тем отсутствует в их текстах социальная и этническая ксенофобия, соблазн которой всегда мог возникнуть в условиях распространения эпидемий в наиболее бедных районах сибирских городов, а также в близлежащих азиатских странах. Развитие русского национализма в поздней Российской империи, изображение в массовом сознании мигрантов из Китая как переносчиков чумы в 1910–1911 гг. не коснулись университетской корпорации медиков Сибири, а их научные построения не стали опорой для дискриминационной политики. Не вызывали их сочувствия и карантинные меры, применявшиеся, в частности, в 1892 г. Даже сталкиваясь с сопротивлением вакцинации, ученые оставались толерантными и избегали радикальной риторики.

Заключение

Традиционно принято считать, что присущее российской интеллигенции чувство вины перед народом противоречило возможности диалога с властью. Стратегии зачастую «биологического» разделения колонизирующих и колонизируемых, напротив, выглядят вполне органичными при сотрудничестве интеллектуалов с империей. Два этих альтернативных сценария имеют солидные историографические генеалогии. История отношений власти и университетской медицины в поздней имперской Сибири разрушает стереотипное видение и предлагает более сложную картину.

Значительную часть профессоров и студентов ИТУ всегда составляли выходцы из духовенства – не самого богатого и привилегированного сословия в имперской России. Ученые, которые и сами зачастую помнили о том, что

такое студенческая нужда, наблюдали последствия нищеты и неустроенности во время вспышек эпидемий, которые зачастую толкали современников на путь социальной и этнической ксенофобии.

История, в которой союз интеллектуалов и власти рождает эксклюзивные модели классов и наций, в общем, является характерной для имперских контекстов. Изменение данной траектории в Сибири конца XIX – начала XX вв. обусловлено и особенностями профессиональной социализации. Томские ученые, имевшие опыт работы в европейских центрах медицинской мысли, не сталкивались с практиками колониальной медицины морских империй Запада. Возвращаясь в «колонию» империи Романовых – Сибирь, они транслировали особенности, характерные по преимуществу для метрополии, где разнообразие обыкновено не нуждается в нивелировании. Дилемма между лояльностью власти и преданностью народу оказалась ложной для сибирских медиков. В исторически ружбное для Сибири время данный менталитет интеллектуалов отчасти позволил избежать, несмотря на имевшиеся для этого предпосылки, превращения Сибири в классическую колонию и во многом предопределил космополитический образ этого региона.

Раскрытие интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Disclosure of interest. The authors declare that they have no competing interests.

Вклад авторов. Авторы декларируют соответствие своего авторства международным критериям ICMJE. Все авторы в равной степени участвовали в подготовке публикации: разработка концепции статьи, получение и анализ фактических данных, написание и редактирование текста статьи, проверка и утверждение текста статьи.

Authors' contribution. The authors declare the compliance of their authorship according to the international ICMJE criteria. All authors made a substantial contribution to the conception of the work, acquisition, analysis, interpretation of data for the work, drafting and revising the work, final approval of the version to be published and agree to be accountable for all aspects of the work.

Источник финансирования. Взаимоотношения власти и университетского сообщества медиков поздней имперской Сибири исследованы при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Исследование особенностей развития классического университета в условиях окраины поздней Российской империи выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

Funding source. The study of relationship between government and university medicine in late imperial Siberia was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

The study of development of classical university on the periphery of late imperial Russia was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) №23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

Список сокращений

ИТУ – Императорский Томский университет

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bashford A. Imperial Hygiene: A Critical History of Colonialism, Nationalism and Public Health. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
- История медицины и медицинской географии в Российской империи. Под ред. Е.А. Вишленковой и А. Реннера. М.: Шико, 2021 [Istoriia meditsiny i meditsinskoi geografi v Rossiiskoi imperii. Pod red. EA Vishlenkovoi i A Rennera. Moscow: Shiko, 2021 (in Russian)].
- Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1960 [Vasil'ev KG, Segal AE. Istoriia epidemii v Rossii (materialy i ocherki). Moscow: Gos. izd-vo med. lit-ry, 1960 (in Russian)].
- Федотов Н.П., Мендрина Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975 [Fedotov NP, Mendrina GI. Ocherki po istorii meditsiny i zdravookhraneniia Sibiri. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1975 (in Russian)].
- Henze CE. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. NY: Routledge, 2011.
- Hutchinson JF. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990.
- Мазаник А.В. Медицина и здравоохранение в России в начале XX века. В: Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М.: Квадрига, 2021; с. 643–67 [Mazanik AV. Meditsina i zdravookhranenie v Rossii v nachale XX veka. In: Rossiiskaia imperia mezhdru reformami i revoliutsiiami, 1906–1916. Pod red. AI Millera i KA Solovieva. Moscow: Kvadriga, 2021; s. 643–67 (in Russian)].
- Гречищев К.М. Город Томск во врачебно-санитарном отношении. Томск: Паровая типография Н.И. Орловой, 1906 [Grechishchev KM. Gorod Tomsk vo vrachebno-sanitarnom otnoshenii. Tomsk: Parovaia tipografiia NI Orlovoi, 1906 (in Russian)].
- Семенова К.А. Здравоохранение города Томска: время становления (1860-е – 1919 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010 [Semenova KA. Zdravookhranenie goroda Tomska: vremia stanovleniia (1860-e – 1919 g.). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010 (in Russian)].
- Национальный музей Республики Татарстан. Отдел изобразительных и документальных источников. Ед. кр. КППи-117959/106 [Natsional'nyi muzei respublikii Tatarstan. Otdel izobrazitel'nykh i dokumental'nykh istochnikov. Ed. khr. KPPi-117959/106 (in Russian)].
- Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1875–1880). В: Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Отв. ред.
- С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014; с. 13–229 [Florinskii VM. Zametki i vospominaniia (1875–1880). In: Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniakh sovremennikov. Otv. red. SF Fominykh. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014; s. 13–229 (in Russian)].
- Легра Ж. В Сибири: дневник французского путешественника. 1897]. Тюмень, Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021 [Legra Zh. V Sibiri: [dnevnik frantsuzskogo puteshestvennika. 1897]. Tiumen', Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2021 (in Russian)].
- Десятилетие Томского университета (по отчету ректора университета А.И. Судакова). *Сибирская жизнь*. 1898;229:230 [Desiatiletie Tomskogo universiteta (po otchetu rektora universiteta AI Sudakova). *Sibirskaiia zhizn'*. 1898;229:230 (in Russian)].
- Быстрицкий Л.Д., Гаврилова М.А. Бактериологический институт: опыт столетия. Томск: Красное знамя, 2004 [Bystritskii LD, GavriloVA MA. Bakteriologicheskii institut: opyt stoletia. Tomsk: Krasnoe znamia, 2004 (in Russian)].
- Судаков А.И. Холерная эпидемия в Томске летом 1892 года. Томск: Типография П.И. Макушина, 1894 [Sudakov AI. Kholernaia epidemia v Tomске letom 1892 goda. Tomsk: Tipolitografiia PI Makushina, 1894 (in Russian)].
- Бутягин П.В. Обзор работ гигиенической лаборатории Томского университета за первое десятилетие ее существования (окончание). *Сибирские врачебные ведомости*. 1905. 1 мая [Butyagin PV. Obzor rabot higienicheskoi laboratorii Tomskogo universiteta za pervoe desiatiletie ee sushchestvovaniia (okonchanie). *Sibirskie vrachebnye vedomosti*. 1905. 1 maia (in Russian)].

Статья поступила в редакцию / The article received: 09.08.2023

